

Полдень. В общественной уборной аэропорта Лунцзян из крана мерно хлестала холодная вода, омывая руки Фу Байлуна.

Свои дорогие часы он снял и положил на край раковины, а дверь запер изнутри на защелку. Снаружи на ручке висела табличка «Не беспокоить», так что незваных гостей можно было не опасаться. В кабинках по обе стороны царил тишина — похоже, там никого не было.

Отрезав себя от внешнего мира, Фу Байлун уперся ладонями в мраморный бортик раковины. Однако в голове его по-прежнему царил полнейший хаос, заставлявший его болезненно хмуриться. Сквозь запертую дверь глухо доносились монотонные объявления автоинформатора на китайском и английском языках.

Снаружи его ждали только что прилетевшие в Лунцзян Чэнь Чжэнь и этот... Лу Имин.

Минут десять назад они вместе забрали багаж у выхода из зоны прибытия и, неторопливо двигаясь к выходу, перекинулись парой слов. Лу Имин без умолку и с явным восторгом твердил, как давно он не бывал в родных краях — за те двенадцать лет, что его не было, город изменился до неузнаваемости. Чэнь Чжэнь лишь мягко улыбался, слушая его щебет, а под конец предложил отметить встречу и поужинать где-нибудь втроем.

Сам же Фу Байлун после предельно краткого, натянутого знакомства пробормотал нелепую отговорку и поспешил скрыться здесь.

— О, так вы и есть господин Фу! Здравствуйте! Я Лу Имин! — парень сиял от радости при встрече. — Наконец-то мы увиделись! Я столько слышал о вас от Чэнь Чжэня, но вживую вы производите совсем другое впечатление...

Вспоминая эту открытую, обезоруживающую улыбку, с которой юноша протянул ему руку, Фу Байлун чувствовал, как грудь сдавливает тяжелая, душная злоба. Ему физически не хватало воздуха.

Он никогда не отличался кротким нравом и терпеть не мог, когда посторонние пытались с ходу навязаться ему в друзья. Отчасти виной тому были врожденное высокомерие и привычка смотреть на людей свысока, отчасти — воспитание и статус семьи, не позволявшие заводить случайные знакомства.

И все же под пристальным, полным надежды взглядом своего лучшего друга Фу Байлун, хоть и стиснул в карманах кулаки, заставил себя нацепить маску вежливости. Переборов отвращение, он протянул руку для короткого формального рукопожатия.

— Здравствуйте. Рад знакомству... господин Лу.

Эти несколько слов, процеженные сквозь зубы, стоили ему невероятных усилий.

Самообладание трещало по швам.

Он всегда был баловнем судьбы, привыкшим к чужому благоговению и страху. Превосходя окружающих во всем, он за всю свою жизнь не знал ни единого поражения. И надо же было такому случиться, что именно сегодня он впервые ощутил уколы уязвленного самолюбия, невольно сравнивая себя с другим.

В манерах, внешности и самой ауре этого мальчишки сквозила та непосредственная, солнечная уверенность, которой сам Фу Байлун, несмотря на все свое влияние, был обделен от рождения.

Он никогда не мнил себя праведником, но сейчас, стоя перед избранником своего друга, ощутил, как внутри закипает темная, уродливая смесь из ревности и злобы. Тут были и брезгливость, и отторжение, и дикое, почти непреодолимое желание использовать всю свою власть, чтобы раздавить, стереть этого выскочку в порошок.

Но сильнее всего ранило то, кем этот парень приходился Чэнь Чжэню.

—... О чем ты говоришь? Каком еще парне из Штатов?

— Ну да, — мягко подтвердил Чэнь Чжэнь. — Мы сошлись... кажется, во время прошлых новогодних праздников. Помнишь, ты тогда мотался по делам компании, готовился к IPO и не смог прилететь ко мне в Штаты? Я как раз поехал читать лекции в наш старый университетский институт. Там мы и встретились.

—...

— Он учится на инженера-машиностроителя, сейчас как раз оканчивает аспирантуру. Наше возвращение в Китай — это общее решение. Его родители развелись, когда он был совсем маленьким, и мать, выйдя замуж во второй раз, увезла его в Штаты. Там он и фамилию сменил, взял материнскую — Лу.

—...

— Его мать при разводе полностью оборвала связи с родиной. Из-за этого Имин даже не помнит имен отца и старшего брата, не знает, где они живут. Когда мы познакомились и он узнал, что я тоже из Лунцзяна, он так обрадовался! Нам двоим на чужбине было о чем поговорить, мы сразу нашли общий язык. Прошлый Новый год, потом День благодарения — всё праздновали вместе. Стали выбираться куда-нибудь на выходные... Ну и закрутилось.

—...

— А три месяца назад случилось чудо. Старший брат Имина каким-то образом разыскал его

адрес и прислал письмо. Написал, что отца уже несколько лет как нет в живых, но сам он работает здесь, в Лунцзяне, и очень хочет увидеться. Имин места себе не находил от волнения, так хотел обнять единственного родного человека. Вот я и решил поехать с ним. Ну и тебя заодно познакомить...

— То есть... ты это серьезно, Чэнь Чжэнь?

— Хм? Ну конечно. Стал бы я привозить его к тебе, если бы все было несерьезно? Байлун, я впервые в жизни по-настоящему влюбился и хочу официально познакомить тебя с моим избранником. Ты разве не рад за меня?

На него из покрытого испариной зеркала смотрел человек с расстегнутым воротом рубашки и мертвенно-бледным, искаженным от ярости лицом. Куда только девалось то предвкушение, с которым он мчался в аэропорт? Сейчас от его хорошего настроения не осталось и следа.

Больше всего бесило то, что сейчас придется выйти наружу и как ни в чем не бывало улыбаться этому «сюрпризу», который Чэнь Чжэнь притащил с собой с другого конца света. При одной мысли об этом желудок скрутило спазмом острой, жгучей боли.

С трудом сдерживая дрожь в руках, Фу Байлун выудил из кармана брюк телефон. Пользуясь тем, что в уборной никого нет, он быстро набрал сообщение Рэйчел Чжан, которая на улице всю организацию пафосную встречу. Ему меньше всего хотелось, чтобы кто-то стал свидетелем его унижения, поэтому текст вышел предельно лаконичным:

«Уезжайте. Никакой слежки за мной. И без лишних вопросов».

Любопытная секретарша, получив такое указание, наверняка решила, что босс наконец-то воссоединился со своим старым любовником и жаждет провести вечер наедине с ним в романтической обстановке. Вряд ли ей могла прийти в голову иная мысль.

Увы, реальность оказалась далека от девичьих грез. Ее начальник сейчас рвал и метал, едва удерживая себя в руках.

Отправив сообщение, Фу Байлун зажмурился и с силой потер лицо ладонями, пытаясь унять лихорадочный рой мыслей. Спустя минуту он, стиснув зубы, резко замахнулся и со всей силы обрушил кулак на мраморную столешницу раковины.

Мрамор отозвался глухим ударом.

Вспышка слепой ярости заставила его потерять контроль. Костяшки пальцев мгновенно покраснели, а затем на глазах начали наливаться багрово-синими гематомами. На лицо и

волосы брызнули холодные капли воды.

Фу Байлун тяжело дышал, пытаясь совладать с бешеным стуком сердца и вернуть способность мыслить здраво. Простояв так около минуты, он поднял голову и взгляделся в зеркало. Убедившись, что лицо приняло относительно приличное выражение, он застегнул на запястье ремешок часов, умылся холодной водой, стер капли с лица и шагнул к выходу.

Никто не должен был увидеть его слабость. В глазах окружающих Фу Байлун всегда обязан оставаться безупречным и сильным.

С этой мыслью он, напустив на себя вид ледяного равнодушия, двинулся обратно к парочке, одно присутствие которой вызывало у него глухое раздражение. Это определенно был худший день в его жизни.

К этому моменту толпа в терминале заметно поредела. Навстречу ему попадались лишь редкие припозднившиеся пассажиры да экипажи самолетов, катившие за собой чемоданы на колесиках.

Чэнь Чжэнь и Лу Имин стояли у багажных тележек. Они увлеченно что-то обсуждали, глядя в экраны телефонов, но, заметив приближающегося Байлуна, приветливо замахали руками.

— Байлун, наконец-то! — улыбнулся Чэнь Чжэнь. — Имину только что звонил брат, он тоже приехал в аэропорт его встретить. Представляешь, какое совпадение? Значит, поужинаем все вместе, вчетвером. Мы как раз выбираем место... Имин, ну что, брат сказал, где он?

Чэнь Чжэнь говорил быстро, то и дело переводя заботливый взгляд на своего спутника. Он даже не заметил, насколько натянутой была походка друга и как потемнел его взгляд. Всё его внимание без остатка принадлежало другому человеку.

Внутри у Байлуна снова шевельнулось что-то злое и темное. Лицо его окончательно окаменело. Перед ним стоял все тот же Чэнь Чжэнь — мягкий, деликатный, безупречно вежливый. Вот только раньше эта забота предназначалась исключительно ему, Фу Байлуну, его лучшему другу.

Теперь же, обретя свою «половинку», Чэнь Чжэнь словно позабыл о старой дружбе, полностью растворившись в своем ненаглядном. Фу Байлун бросил все дела, лично приехал встретить его, приготовил лучший прием — а в ответ получил лишь равнодушное пренебрежение.

Его словно списали со счетов. В системе ценностей Чэнь Чжэня понятие «лучший друг» больше не занимало главного места. Отныне весь мир крутился вокруг этого смазливой мальчишки и его внезапно объявившегося родственника — какого-то провинциального недотепы, который даже в трех соснах терминала умудрился заблудиться...

Фу Байлун стоял молча, спрятав разбитую руку глубоко в карман брюк и закатав влажные манжеты рубашки. Его взгляд, устремленный на счастливую парочку, так и дышал могильным холодом.

Тем временем Лу Имин, взволнованный поисками, завертел головой по сторонам и, хмурясь, пробормотал себе под нос:

— Да где же он?.. Обещал ведь встретить сразу у выхода. Сказал, что принесет огромного розового плюшевого медведя — мою любимую игрушку из детства, чтобы я его сразу заметил... Может, он мне неправильный номер телефона дал?

— Вряд ли, — покачал головой Чэнь Чжэнь, проявляя чудеса терпения. — Он совсем не отвечает?

— Не-а, гудки идут и все. Может, у него ночная смена была? Он как-то писал, что на работе жуткий завал... Эх, где же его носит? Самое глупое, что у меня даже его фотки нет...

Юноша прижал трубку к уху и разочарованно вытянул шею, сиюсь разглядеть кого-то в толпе.

Фу Байлун, до этого демонстративно игнорировавший их суету, при упоминании розового медведя внезапно насторожился. Он нахмурился. Где-то совсем недавно он уже видел это нелепое плюшевое чучело.

Но окончательно пазл сложился секундой позже. Из прохода вальяжной походкой вынырнул долговязый силуэт с закинутым на плечо гигантским розовым медведем.

Увидев этого персонажа, Фу Байлун остолбенел. Его глаза округлились от шока.

Знакомый до боли «господин нахал» прямо с медведем наперевес совершил стремительный рывок в их сторону. Бесцеремонно отпихнув застывших как вкопанные Фу Байлуна и Чэнь Чжэня, он мертвой хваткой вцепился в Лу Имина и оглушительно взвыл на весь терминал:

— Твою мать! Имин! Неужели это ты, мелкий?! Братуха твой в этом гребаном аэропорту сначала с каким-то придурком сцепился, а потом еще битый час тебя по всем углам разыскивал! Братишка мой ненаглядный! Двенадцать лет не виделись! Наконец-то ты вернулся!

<http://bllate.org/book/18327/1763736>